

У КОГО ВОРУЕТ ПИСАТЕЛЬ

На бескрайних просторах российского Интернета пасется немало писателей. Большинство из них, правда, графоманы. Но иногда (редко!) появляются и совершенно уникальные личности. Таков, например, питерский писатель Дмитрий Горчев. Мастерство Димы подтверждено документом, чему свидетельство - два напечатанных сборника рассказов автора. Непонятно одно: как Горчеву удается писать такие смешные вещи, грустные по сути. Наверное, есть здесь тайна. Но Горчев ее никому не открывает.

Иронически осмысляешь, или сюжет возникает абстрактно, из головы?

- Текст появляется в голове и сразу. Но когда пишешь, он, конечно, трансформируется, потому что нельзя его перенести напрямую, поэтому получается вовсе не то, что я хотел написать. Сложнее приходится, когда нужно удержать большой текст, в несколько страниц.

- Твои первые работы были большие...

- Тогда у меня была тетрадошка. Я писал, перечитывал, переписывал, потом еще раз перечитывал и так до тех пор, пока мне это не надоело. Поэтому так трудно писать романы, их же нельзя продолжать, если ты помнишь, что написал до этого.

- Лев Толстой несколько раз переписывал «Войну и мир», полагаю, это не про тебя?

- Да ну его. Вот этого я не понимаю. Слова поменять отдельные, на это я еще согласен. Но не больше того.

- Как ты додумался до того, чтобы свои рассказы свести в книгу?

- Александр Николаевич Житинский (глава издательства «Геликон») просто взял и издал. Смотрю, получилась книжка. Стало интересно.

- Когда я читал твои первые рассказы, было понятно, что человек отработывает собственный стиль. Потом пошел цикл с использованием ненормативной лексики, которая была тем не менее абсолютно адекватна тексту. Сейчас у тебя третий период, ты решился отказаться от мата. Что из этого выйдет?

- Наигрался я в эти игрушки. Мне сегодня интересно другое. Может быть, я для детей писать буду. Вот.

- С трудом представляю себе. Наверное, это будут очень страшные сказки?

- Ну нет. Я же не садист и даже не извращенец. Если дети, то матом ругаться нельзя, я понимаю.

- Литературные критики постоянно выясняют, у кого же ты списываешь...

- О, да. У Зощенко, Хармса, Саши Соколова, чуть ли не Татьяны Толстой. Естественно, все у Пелевина и Сорокина, без них никак нельзя. Да, у Шестакова я много наворовал. Это человек, который пишет для Ефима Шифрина.

- Свифт писал серьезные для него романы, которые, впрочем, нам сегодня кажутся смешными. Как ты относишься к своим рассказам? Ты мизантроп?

- Я сам смеюсь, когда пишу. Если не смешно, то это и неинтересно. Но вообще-то все юмористы в жизни - страшно неприятные люди. Зощенко был мрачный. Тот же Хармс. Хотя, может быть, есть балагуры и весельчаки, но я не могу таких припомнить. Наверное, жизнерадостный человек не может писать смешные вещи. Веселому легко са-

мого себя рассмешить, но этого мало. А если мрачный сумел развеселить себя, то он и других сможет.

- Тебе заказывают тексты популярные эстрадные артисты?

- Нет, такого не было. Ни один. Это, кстати, интересно. Может быть, они меня не знают?

- Ты не боишься замкнуться в «Живом Журнале»?

- Так эта аудитория постоянно расширяется с каждым новым подключением к Интернету пользователей.

- Извини, но даже в Питере тебя плохо знают...

- Это вопрос раскрутки. Нужен продюсер, но мне это мало интересно.

- Известность позволяет конвертировать ее в дензнаки. Чем плохо?

- Приятно, конечно, сидеть, пить пиво, а в это время подходят люди и говорят, что видели тебя по телевизору. Но с другой стороны, и пиво не попьешь спокойно, и с человеком не поговоришь нормально. Что тут приятного? Я не знаю, насколько мне хочется так уж быть известным. Не знаю, каково быть, например, Филиппом Киркоровым, про которого интересно знать все. Но я так жить не могу, это точно. Деньги можно зарабатывать и другими способами.

- Например, живописью. Ты ведь еще и художник?

- Сейчас я рисую очень редко.

- Взять заказ и аванс под сочинение романа ты смог бы?

- Да нет. Я всех брошу, кино, все будут несчастны, я буду страдать, они будут страдать. Может быть, побьют даже меня - короче, все будет плохо.

- В Москве появилась мода приглашать на выборы свободных художников, поскольку не хватает креатива. Тебе еще не предлагали?

- Нет, пока не пытались. Но даже если пришли и предложили огромные деньги, я бы что-нибудь такое брякнул, что плохо вышло. Я не умею заниматься продажной журналистикой, но завидую тем, кто это может.

- Не было ни разу интересно вычислить свое творчество?

- То есть понять, какие мышцы сокращаются при мыслительной деятельности? Да нет. Я делаю тексты, которые пишутся просто так. На продажу ничего не получается. Пробовал писать колонки, получалась только одна из четырех.

- Отклики из стран СНГ и дальнего зарубежья поступают?

- Однажды была попытка перевести рассказы на английский язык. Мне казалось, что получилось просто замечательно, однако знающие английский язык люди уверили меня, что получилось, напротив, все ужасно. Структура языка не совпадает.

- Как ты относишься к редакции собственных текстов?

- Меня никто никогда не редактировал. Хотя неприятно, когда приличное издание берет рассказы и заменяет некоторые слова в соответствии со своими представлениями о прекрасном.

- Ты один из немногих писателей, который на сайте общается со своими читателями. Не надоедает?

- А я не общаюсь с посетителями сайта, как со своими читателями. Допустим, пришел человек, хочет выпить. Ну и садись рядом. Но мы не беседуем о моем творчестве или о судьбах литературы. Другое дело, что я не могу выпивать с каждым своим читателем.

- В чем ты себя считаешь профессионалом?

- У меня нет профессиональной писательской гордости. Я не хочу стать самым крутым писателем мира и захватить Америку. Вот если бы просто так дали Нобелевскую премию, было бы приятно. Купил себе что-нибудь.

- Тебя недавно приняли в члены Союза писателей. Приятно?

- Корочка Союза писателей оказалась очень полезной в общении с милицией.

- Как остальные писатели воспринимают твоё общество? Ты посещаешь их собрания?

- Я никогда не посещаю писательские тусовки. Я знаю несколько приятных людей, с которыми могу общаться. А если я появлюсь на каком-нибудь писательском собрании, они смотрят на меня с недоумением, кто это такой. Если кто-то знает меня, то относится с отвращением, руки не подают. На самом деле писатели очень неприятный народ.

- Как ты относишься к литературным критикам?

- Увы, у меня нет своего злобного литературного критика, который бы ходил за мной по пятам и говорил: вот опять Горчев дрянь написал. Я в этом смысле Дмитрию Быкову сильно завидую, у него есть такой критик.

- В твоих рассказах иногда появляются реальные персонажи - директор Патрушев, Горбачев, Березовский, Путин. По какому принципу ты отбираешь достойных?

- По принципу их присутствия в массовом сознании. Это личности, которых всех знают, не надо рассказывать, кто он.

- У многих питерских время от времени появляется соблазн перебраться в Москву. Ты еще не заразился этой болезнью?

- В Москве я себя чувствую как глубоководная рыба, которую с десятикилометровой глубины вытащили на поверхность. Я совершенно точно знаю, что не вписываюсь в Москву, там меня сразу же цапает милиция, как-то она умеет выбрать из толпы.

- Дима, есть ли шанс, что ты когда-нибудь напишешь свой роман?

- Вот задолбали меня читатели и издатели, почему-то рассказы их не устраивают. Не умею я писать длинно.

Беседовал

Станислав СТРЕМИДЛОВСКИЙ.

Один фокусник выкинул такую штуку: взял и распилит ножовкой живую женщину.

Он вышел на арену и спросил, кого распилит ножовкой? Эта женщина из второго ряда и выскочила. Может, клюнула лишнего, а может, из деревни приехала - не знала она, что пилят всегда только специальных подставных женщин, которым все как с гуся вода.

Ну и распилит ее фокусник напополам, всю арену кровью залил, сам весь перемазался, как свинья. Женщина сначала орала, а потом ничего, затихла.

Допилил он ее, раскланялся и собрался за кулисы уйти. А публика ногами топает:

ФОКУСНИК

требует женщину обратно. Фокусник руками разводит: «Как же я вам ее обратно отдам, если у вас на глазах только что ее распилит? Я же фокусник, а не волшебник!».

Тут одна старуха как закричит, что мало того, что крупа в магазине каждый день дорожает, так еще и живых людей при всем честном народе среди бела дня ножовками пилят, да еще деньги с них за это дерут!

Набросилась публика на фокусника, чтобы его на части разорвать, но, к счастью, милиция его спасла и в тюрьму посадила.

Стали в тюрьме выяснять - может быть, это

сумасшедший фокусник? Привели к нему доктора, тот его молоточком постучал, про папу-маму расспросил - нет, совершенно нормальный! Такого нормального не каждый день и на улице-то встретишь.

«Зачем, - спрашивает доктор, - вы живую женщину распилити?» - «А как же? - удивляется фокусник. - Я же прив всех пообещал, что распилю, мне что, перед людьми позориться? Давши слово - держись!».

В общем, взяли этого фокусника и расстреляли, раз он не сумасшедший.

А за что расстреляли, спрашивается? Он же с ножовкой за этой женщиной не гонялся, она сама к нему пришла.

- У каждого писателя есть предистория творчества. С чего начинал ты?

- Я все время, сколько помню, что-то писал. На листочках. Начала романы, дальше третьей страницы никогда не выходило. Писательство - это болезнь, наверное.

- Когда количество стало переходить в качество?

- Мне было года 23, я взял в прокате пишущую машинку и отстучал на ней страниц десять-двенадцать. Это была детская сказка. Послал ее в журнал «Юность», а поскольку в те времена было принято рассматривать каждое письмо, сказка из журнала мне пришла обратно вместе с советом заняться чем-нибудь другим. С тех пор я не занимался писательством, пока это не сложилось само собой, для чего потребовалось приехать в Санкт-Петербург.

- Ты помнишь первое свое произведение, с которого все началось?

- Оно было опубликовано в юмористическом журнале «Магазин», который издавал в то время Михаил Жванецкий. Дрожащими руками журнал я не открывал, зато было приятно получить триста рублей гонорара.

- А что заставляло писать дальше? Распирало в груди?

- Оно пишется просто так. Не бывает так, что я сажусь писать, например, в «Живой Журнал» с мыслью, вот она, литература. У меня нет договоров и обязательств перед кем-либо. Сам написал, сам опубликовал.

- Для тебя важно чье-то мнение о твоих рассказах?

- Нет... Когда появился Интернет, я вывесил рассказы, люди стали заходить, читать, рекомендовать другим. Конечно, я не могу не учитывать откликов посетителей сайта или читателей. Но сейчас на меня оказывается слишком много давления. Мне это не нравится. Я пишу о своем и для себя, людям хочется другого. Вот стало мне неинтересно ругаться матом, а читатели пытаются найти в этом какой-то смысл.

- А мнение родителей?

- Они меня воспринимают не так, каков я есть. Матушка прочитала мою книжку, позвонила мне и со слезами сказала: «Не понимаю, почему все смеются, это очень печальные рассказы, я плакала». Батюшка мой вообще относится равнодушно, ничего не читал.

- Зависимости от читателя нет?

- Есть. Но она другая. Поскольку все написанное в первую очередь появляется в Интернете, отклики видишь сразу. И тут появляется желание понравиться, чтобы сказали, как прекрасно я пишу. Это мешает.

- Твои рассказы довольно социологически выверены. Как это получается у тебя? Откуда, например, взялся Сотловый Робот, отвечающий на абсолютно все телефонные звонки?

- Из жизни. Я сидел на Тверском бульваре, рядом был человек, который по мобильному телефону комментировал каждое свое действие. Вот и вся фабула. Дальше оставалось только записать. А каким образом получается придумывать, я не знаю. Нет у меня никакого хитрого секрета.

- Что первично - событие, которое ты